

Цикл уроков: От Албани к Абу Ханифе или как я вернулся к мазхабу

3 часть. Полет над ихтиляфом

Azan.kz

Несмотря на то, что книга была очень убедительной, она не переубедила меня сразу и полностью, а лишь породила сомнения. Я стал пытаться совершать намаз так, как было написано, но чувствовал дискомфорт – многие действия в намазе уже стали привычными, и я стал путаться: то колени опущу раньше рук, то забуду поднять их перед поклоном. Вместо концентрации на том, что я поклоняюсь, все мои мысли были поглощены тем, что и как нужно делать далее. Фактически, я стал заново учиться намазу.

И тогда меня посетила гениальная мысль – попросить помощи у Аллаха. Ну что может быть проще и надежней в моей ситуации, кроме как истихары? Про то, что есть такое понятие, как истихара я еще не знал, поэтому и мысль свою посчитал гениальной. Интуитивно сделав практически все по Сунне, я вложил в мольбу после намаза всю свою искренность, и поехал в Центральную мечеть на ночной намаз.

Я был твердо убежден в том, что Аллах явит мне ясное знамение. Я даже рассчитывал на то, что в мечети обязательно встречу ангела в человеческом обличье, который будет специально послан ответить на мою мольбу. Он то и разъяснит мне, кто прав и какой хадис достоверней. Поскольку во дворе мечети никто ко мне не подошел, я стал ожидать ангела в зале и даже немного волновался перед встречей. Ангел задерживался, но я то понимал, что это всего лишь испытание и потому был спокоен.

Вместо ангела вышел имам и возглавил молитву. После молитвы имам предложил собравшимся совершить тасбих и послушать, как он читает Коран. Времени до встречи с ангелом оставалось все меньше и меньше. Я стал приглядываться к каждому бородатому доброму и ловить вопрошающим взглядом его глаза.

Мечеть, тем временем, стремительно пустела. Последние спины и пятки исчезали в дверном проеме, и я стал подозревать, что никто ко мне не подойдет. Не похлопает по плечу. Не улыбнется белыми зубами и не обнимет крыльями братской помощи. Обеспокоенный тем, что все происходит не так, как я размышлял, я поднялся с колен и поспешил догонять ушедших.

За воротами мечети, через дорогу, шел мужчина в длинных белых одеждах и с рыжей бородой. Если кто-то из ускользящих во мраке силуэтов и мог мне напомнить ангела в человеческом обличье, то только он. Увидев, что он обернулся и остановился на мой окрик, я подбежал к нему и поздоровавшись выложил все свои тревоги.

Выслушав мой сумбурный рассказ о том, что я недавно стал совершать молитву, и что в душе моей теперь смута, и что вызвана она книгой о намазе, и теперь я не знаю как совершать его правильно, он спросил меня как я выполнял намаз до этого, после чего благостно сообщил:

«Вы совершаете намаз по ханафитскому мазхабу. Это один из суннитских мазхабов. У этого мазхаба больше всего последователей в мире. В нашей стране тоже придерживаются этого мазхаба. Поэтому можете не беспокоиться и продолжать совершать намаз так, как вас научили».

Казалось бы, вот он ответ. Бери его и поступай так, как тебе сказали. В конце концов, разве ты не был убежден в том, что Аллах обязательно ответит на твою мольбу?

Да, был. Да, ответ. Но вот как-то он был получен не так, как я себе представлял. Как-то не совсем убедительно. Ясное знамение представлялось моему воображению несколько иначе. Красочней и банальней. Прямо с неба и точно в сердце. Звездами над головой должно было быть написано «Ханафитский мазхаб форева!»

В общем, я пришел домой и переучился.

С этого момента, я приобщился к единственно правильному джамаату, который следовал Корану и Сунне путем салаффов, и совершал намаз ровно так, как совершал его сам Пророк, салаЛлаху алейхи уасаллям, как если бы вы это видели своими глазами.

Однако полностью салафитом я не стал, хотя и двигался в правильном для этого направлении. Тогда еще не поднимались так остро вопросы атрибутов и местонахождения Аллаха, ставшие впоследствии паролем:

- Где Аллах?
- На небе.
- Заходи, брат.

Друзей салафитов, кроме Айдына, в моем окружении тоже не появилось, хотя и количество знакомых намазханов увеличилось. Я также не укоротил все свои штаны, но некоторые, если мне не изменяет память, все же подвернул. Густой и красивой бородой не обзавелся, но это уже вопрос не ко мне, а к моей генетике. Так, отпустил, что было.

Я не к тому, что короткие штаны и бороду носят только салафиты. И уж тем более не к тому, что это плохо. Я лишь к тому, что эти детали внешнего вида соблюдаются ими более строго. По крайней мере, в Казахстане. В общем, образцовым салафитом я не стал даже внешне. Но и того неполного сопричастия к этому явлению, хватило мне, чтобы возвыситься над ихтиляфом ученых высоко и гордо.

Не то, что бы я легко определял какой из мазхабов прав, и заявлял об этом. И конечно же, я ничего не говорил плохо про четырех имамов, и даже отзывался о них положительно. Я лишь подчеркивал, что все они могли ошибаться, и что следовать одному мазхабу – это следовать в том числе и ошибкам, потому что не может быть такого, чтобы прав был только один и всегда. Поэтому я следовал всем.

Однако реальность была таковой, что одновременно следовать всем мазхабам было невозможно, как невозможно произнести «аминь» громко и одновременно тихо. Поэтому мазхабам я следовал попеременно, по ситуации и по желанию. Последнее было ключевым. В конце концов, чем еще может руководствоваться человек при выборе мнения или доказательств, если он не может опираться на знания?

Хотя, знания у меня тогда все-таки были, чего уж тут скромничать. Таков был уникальный эффект книги, по окончании которой у любого невежды могли появиться знания. Это был баракат. Да что там баракат – карамат. Она породила во мне муджтахиду, зародила во мне суждения, открыла возможность самостоятельно опираться на первоисточники, взвешивать доказательства и выбирать мнение.

Я чувствовал себя правым и правильным. Особенным и отдельным. Аллах защитил меня от слабых хадисов, одарил особой милостью и наставлением. Как я смотрел после этой книги на тех, кто протирает ладонями лица после дуа. Как я жалел этих несчастных и думал: «Бедные люди, они ведь не знают, что эти хадисы слабые...»

И как мне хотелось самому протереть руками лицо, потому что поднимать их, согласно книге, было можно, а вот протирать уже нельзя. И как-то я уже привык по окончании дуа протирать лицо, и мне было странно поднимать руки, а затем просто их опускать. Словно я что-то прошу, а потом выкидываю. И не поднимать их вообще тоже было странно, потому что непривычно было делать дуа просто губами, без никаких действий вообще. И во всем этом была какая-то незавершенность, которую хотелось завершить, но я сдерживал свои желания и усмирял нафс.

Помню, как общий друг пригласил нас с Айдыном в кафе по случаю рождения сына, и когда старики стали делать дуа, мы сидели вдвоем не поднимая рук. Айдын при этом негромко произносил «ля иляха илля Ллах», как бы утверждая, что он поклоняется только Аллаху и непричастен к заблудшим, а я смотрел на него и думал, какой же он молодец.

Благо, других знакомых салафитов у меня не было, зато были ханафиты, хотя и тоже не в большом количестве. Ну как, ханафиты, так, обыкновенные таклидчики. Они просто следовали за имамами – даже не за имамами мазхабов, а просто за имамами в мечетях, к которым каждый порядочный салафит должен был испытывать недоверие, и по возможности – неприязнь.

И это непросто слова, ведь все эти суфисты, мазхабисты, таклидчики и бидаатчики были заблудшими, и испытывать к ним приязнь, это все равно, что испытывать неприязнь к Сунне Пророка, салаЛлаху алейхи уасаллям.

Более того – неприязнь к остальным, и особенно к имамам, возникала сама собой, без особых подсказок, естественным образом. Разжигало это все дальнейшее и пристальное внимание к чужим ошибкам, и их тщательный поиск. А эти таклидчики словно ничего этого не видели. Да что там не видели – даже не искали.

Я сейчас не имею ввиду тех современных ортодоксальных ханафитов, которые сидят в социальных сетях и много что знают. Я говорю о простых мусульманах, которые приходили в мечеть и слушали уагызы с открытыми ртами. А потом рассказывали мне об услышанном и своих впечатлениях, чуть ли не со слезами на глазах.

Одним из таких был мой друг Нурджигит. В свое время, он сильно злоупотреблял алкоголем, и периодически уходил в запой. Так происходило до тех пор, пока он не увидел во сне Пророка Мухаммада, салаЛлаху алейхи уасаллям, который приказал ему совершать намаз, если он, конечно, хочет еще пожить и стать нормальным человеком.

После того, как Нурджигит стал нормальным человеком, он устроился работать парикмахером, и когда я приходил к нему стричься, мы беседовали с ним на религиозные темы. Я рассказывал

ему о достоинстве всех мазхабов, и ущербности следования лишь за одним. Я доносил до него Коран и Сунну, и говорил о том, что ваххабизм – это чистый Ислам, и если бы было иначе, он не распространился бы в Саудовской Аравии.

Иногда он пытался мне возражать, но ему не хватало знаний, которые были у меня и от которых меня распирало. Ну хорошо – даже если их было не так много, они, по крайней мере, все были достоверные. В итоге, он соглашался со мной в каких то вопросах, но добавлял: «Ну мне кажется, что нам все таки лучше следовать одному мазхабу, и лучше если это будет ханафитский, ведь наши предки были ханафитами, и имамы сейчас ханафиты, и это как бы стало нам близко, и уже вошло в нашу жизнь», ну и прочие слабые доводы.

А я говорил ему, что арабы знают религию лучше, и если ты посмотришь видео-ролики в ютубе, то увидишь, что они поднимают руки перед поклоном, и держат их выше пупка, и говорят «аминь» вслух, и неужели ты думаешь, что те, от кого пришла эта религия, и которые правят Мединой и Меккой, знают Ислам хуже казахов?

Затем я мог привести слова самого Абу Ханифы, рахимахуЛлах, о следовании достоверным хадисам, ну и на десерт – сами хадисы. И он пытался, краснел, надувался, но не знал, что и как мне ответить. А я ликовал и был убедителен. Еще бы – ведь явилась истина и сгинула ложь.

Однажды, я пришел к нему и он, создав мне глупый вид в зеркале с помощью накидки из которой торчит одна голова, взволнованно сообщил:

«Представляешь, я видел тебя во сне и мы с тобой спорили. Я говорил тебе, что так по Шариату делать нельзя, а ты возражал мне и утверждал, что можно. Тогда я не выдержал и сказал, что если ты не прекратишь это говорить, я тебя ударю! И знаешь, что ты мне ответил? Я сам тебя ударю!»

Нурджигит был старше меня, поэтому для него такой ответ был недопустим даже во сне. Более того, он рассказывал мне это с таким возмущением, как будто я его на самом деле ударил, и не во сне, а наяву. Я даже немного порадовался тому, что, мол, не труханул, ответил и готов был отстаивать свои убеждения. Пусть даже во сне, пусть и в чужом. В своих снах, сколько я не пытался кого-то ударить – никогда не получалось это сделать нормально.

Продолжение следует...

© Авторские права на статьи и осуществленные переводы статей из других источников принадлежат сайту Azan.kz.

Убедительная просьба к лицам, производящим копирование и распространение в социальных сетях и иных сайтах любых материалов ресурса Azan.kz, в обязательном порядке указывать активную ссылку на источник.